

АННА БРУША

ИДИ К ЧЕРТУ,
ВЕДЬМА!

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б89

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на обложке *И. Кругловой*

Бруша, Анна.
Б89 Иди к черту, ведьма! / Анна Бруша. — Москва :
Эксмо, 2019. — 416 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-099794-7

С одной стороны, это книга про мужчину, а с другой — про женщину.

Как-то один черт решил круто изменить свою жизнь и переехал из Ада в Москву. Тут-то все и началось...

Нет, не так.

Как-то одной женщине пришлось делать выбор: или любимый кот, или бойфренд. Вот тут-то все и началось...

Нет. Хотя...

Ладно. Главное, что началось! Пусть даже черт не знает, как кратко изложить содержание сей истории. Но важно, что это несерьезная книга на серьезную тему: как сложно встретить мужчину своей мечты и так ли страшен черт, как его малюют.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бруша А., 2019

© Оформление.

ISBN 978-5-04-099794-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Утро в Аду — самое лучшее время. Кроваво-красные всполохи еще не такие яркие, а огненные реки — не такие жаркие. Приятно. Можно даже сказать — свежо. Этим адским утром черт Варфоломей то и дело улыбался, а его хвост иногда подрагивал от волнения. Казалось, еще чуть-чуть, и за спиной у него вырастут крылья. Ангельские.

В это романтическое время (да, время для романтики в Аду — утро, а не вечер, как это обычно бывает на Земле) он спешил на встречу с демонессой — красавицей Кайли. До встречи с Кайли Варфоломей страшно страдал от одиночества и всякого отсутствия личной жизни. Но вот уже два месяца он жил, как в Раю. Целые дни они проводили с Кайли в постели. После долгого вынужденного воздержания черт был ненасытен. Он упивался страстью, с наслаждением исследовал прекрасное тело. Иногда ему даже казалось, что это не просто физиология, а самое настоящее слияние душ.

Варфоломей был чертом прогрессивным и почитывал на досуге научно-популярные журналы. Особенно любил «Вокруг Ада» и «Наука и смерть».

Так вот, в последнем выпуске была напечатана короткая заметка о том, что, возможно, ученым все же удалось обнаружить у чертей и демонов наличие души. Данный факт мог привести к настоящей революции в Аду. Тысячи чертей могли начать требовать отпуска в Раю... В общем, тираж журнала быстренько изъяли, чтобы не началось черт знает что.

Мысли Варфоломея снова вернулись к Кайли. О, как она умела его зажечь, как стонала его имя! При одном воспоминании о легкой хрипотце в ее голосе, об этом «Вар-р-р-фоломей» у черта шерсть на спине встала дыбом. Ну, и еще кое-что.

В общем, Варфоломей был неприлично, восторженно счастлив и в очередной раз задавался вопросом, почему такое шикарное похотливое исчадие ада выбрало его.

Надо сказать, у него имелись основания для сомнения. И это несмотря на то, что он обладал набором неоспоримых достоинств. Например, был широкоплеч. Мнение о том, что все черти мелкие, — устойчивый предрассудок, не имеющий отношения к реальности. Даже непонятно, кому понадобилось их унижать и распускать такие слухи.

Но вернемся к достоинствам Варфоломея. Он был приятно волосат, а также обладал недюжинной силой. Рога — аккуратные, с тремя завитками — торчали под хорошим углом. Рыльце в пушку. Мужская гордость... В общем, было там чем гордиться.

Все это перечеркивал один-единственный, но очень существенный недостаток. Черт был белым.

Сквозь белый жесткий мех проглядывала беззащитно розовая кожа. А еще, стыдно сказать, глаза у него были... небесно-голубого цвета.

Ну и имя, конечно.

Родители Варфоломея обладали чертовски специфическим чувством юмора. Когда акушерка вложила его в руки матери и та увидела беленького чертеночка, она так смеялась, что в комнату примчался новоиспеченный отец. Он озадаченно крикнул, глядя на сына. Сам-то папа был обладателем эффектной шерсти цвета угля.

Кстати, черти очень чувствительны к оттенкам черного. Поэтому вы никогда не услышите, чтобы кто-то из них называл черное просто «черным». Нет, черт точно определит оттенок: антрацит, цвет воронова крыла или черный, как остывшая лава. Поверьте, у них в запасе полно вариантов.

Так вот: отец долго рассматривал белоснежное дитя, которое кривило ротик и бессмысленно тарщило голубые глазки, а потом изрек удивительную истину:

— Детей не выбирают. А давай назовем его Варфоломей?

Мать нахмурилась. Во-первых, она слишком устала после родов, а во-вторых, имя ей показалось подходящим, но как истинная демонесса она сначала возразила:

— Варфоломей? Мы же хотели назвать его в честь Люцифера.

— Слушай, сейчас этих Люциферов — как грязи. Каждый первый Люцифер, а каждый второй — Баал... У меня на работе три Вельзевула. Подумай, что бу-

дет в детском саду, — черту все больше нравилась собственная идея. — И еще: с Варфоломея — ну, его еще святым объявили — сняли кожу, так что он был таким же розовым.

— Ой, как оригинально!

Так Варфоломей обрел не совсем уместное для Ада имя.

Но в одном его отец оказался прав. Ни в детском саду, ни в школе, ни в адском легионе ему не встречалось других Варфоломеев. Как, впрочем, и других белых чертей. Легко можно представить, как жилось ему с белой шерстью и именем святого. Как в Аду, в худшем смысле этого слова. Сколько насмешек и издевательств... Но теперь Варфоломей бодрой рысцей бежал к любимой женщине, и прошлое, казалось, осталось в прошлом.

Кайли встретила его в дверях, красивая и соблазнительная. Варфоломей стиснул ее в объятиях, потянулся, чтобы поцеловать, но она натянуто улыбнулась и отстранилась.

— Варфоломей, нам нужно поговорить.

Она вывернулась и прошла, цокая коготками.

— Садись.

Кайли кивнула на кровать, а сама села на пуфик.

Это короткое «садись» прозвучало в ушах черта похоронным колоколом. Он сел на край кровати, положил руки на колени и уставился на свои пальцы.

— Я подумала. Нам нужно расстаться, — довольно уверенно начала она.

Варфоломей вспомнил о душе. Она болела, горела и металась.

— Понимаешь, я не могу быть с тобой. Все как-то неправильно с самого начала. Я думала, что смогу с этим справиться, но буду честной: не получается. Не могу представить, как знакомлю тебя со своими друзьями. Мои родители... они тоже не поймут. Эта твоя особенность... понимаешь...

Варфоломей старался дышать как можно медленнее. Если души все же нет, тогда это фантомная боль. Но легче от мысли не становилось.

— Я разве скрывал то, как выгляжу? Только сейчас заметила?

В голосе его не было злости, только бесконечная усталость.

— Нет. — Кайли выглядела потерянной. Она облизнула раздвоенным язычком пересохшие губы. — Нет, я правда думала, что справлюсь и мне это не важно. Но оказалось, все-таки важно.

Говорила она искренне, но от этого было не легче.

Варфоломей поднялся и молча пошел прочь. А что тут скажешь... Он слышал, как Кайли заплакала.

В этот момент Варфоломей понял: нужно взять — и поменять свою жизнь.

* * *

Нет, Варфоломей не расклеился, как это обычно бывает что с чертями, что с людьми. Он не залез под одеяло и даже не поплелся в бар «У Вельзика», чтобы утопить эмоции в огненной воде. Наоборот, стал предельно собран и развил бурную деятельность: явился к начальнику и решительно потребовал перевода как можно дальше от Ада.

Конечно, начальник на всякий случай сразу же впал в первичную ярость, но потом повнимательнее посмотрел в лихорадочно блестящие глаза Варфоломея и понял, что в таком состоянии этот черт согласится на все.

Он мгновенно сменил стратегию и заговорил тоном, полным участия и отеческой заботы.

— Варфоломей, — сказал он, — ты редкостный счастливчик!

Челюсть Варфоломея напряглась, хвост нервно дернулся.

— Потому что у меня как раз есть запрос оттуда, — начальник показал пальцем вверх.

Варфоломею сейчас было все равно откуда.

Начальник мысленно поздравил себя с удачным стечением обстоятельств. Он должен был уже давно послать кого-то на Землю, но, когда речь шла о Земле, подчиненные проявляли чертовскую смекалку и выворачивались... выскальзывали... крутились, простите, как черти на сковородке. Поэтому дело каждый раз откладывалось в новый ящик и затягивалось (даже по меркам Ада) неприлично долго. А, как известно, в Аду никто не торопится.

И тут на тебе — такой подарок!

Что бы ни случилось у Варфоломея, начальник возблагодарил небо (хотя это и странно) и выписал путевку в новую жизнь, не забыв скрепить договор о переводе кровью. Для надежности.

Утро — не самое романтическое и любимое время в Москве. Его ненавидит огромное количество народу, особенно когда нужно спешить на работу, а за окном еще сумерки.

Ева проснулась от легкого щекочущего прикосновения. Ей не нужно было спешить. И в последнее время она просыпалась с улыбкой.

— Мр-р-р... — мурлыкнула она и приоткрыла один глаз. — Ты красавец, Григорий.

Григорий смотрел на нее пронзительно зелеными глазами. Он грациозно потянулся, широко зевнул и потерялся головой о щеку Евы.

Григорий был котом. Самым необыкновенным, с самыми выдающимися серыми полосками на короткой шерсти, чуть кривоватыми задними лапами и бандитской ухмылкой. Ева втайне считала Григория идеальным мужчиной.

Он был с ней нежен, всегда очень внимательно ее слушал, встречал с работы и был совершенно неприхотлив в еде. И что немаловажно, Григорий был аккуратист, и осечек с лотком у него не случилось никогда. Кот достался Еве как утешительный приз после расставания с бывшим.

Этот мохнатый психотерапевт очень ей помог. Она обрела уверенность в себе и начала много рисовать. Как художник-иллюстратор Ева оформляла книги, сотрудничала с журналами. А иногда ее по знакомству звали в театр, тогда она могла придумывать костюмы и декорации. Ее имя довольно часто мелькало в программках.

Кота очень интересовало ее творчество, он самозабвенно крал кисточки, пил воду для акварели, наступал в краску, чтобы оставлять на бумаге живописные следы лап и хвоста. Ева даже повесила картину работы Григория на стену, не поленившись оформить ее в раму.

В общем, это большая редкость, когда мужчина полностью разделяет интересы своей второй половинки.

Ева почесала Григория за ухом, кот ответил низким блаженным урчанием.

Так вот, о бывшем Евы. Сейчас она могла бы сказать, что ее бывший — незрелый инфантильный истерик, склонный к самоутверждению за чужой счет. Слепо влюбленная, тогда Ева этого не замечала. Виктор. Его звали Виктор.

Как сейчас модно говорить, он был «токсичным человеком». Всеял в Еву неуверенность в себе, «отбил» ее от друзей, изводил мелкими придирками. И все бы кончилось плохо, если бы как-то раз, гуляя, они не встретили Григория, который в ту пору был маленьким и довольно жалким мяукающим комочком шерсти.

Виктор его подобрал и решительно заявил Еве, что «они должны спасти животное». Ева не планировала заводить кота, но, желая порадовать Виктора, согласилась.

Григорий, чувствуя свое не совсем легальное положение, очень старался, и Ева с каждым днем все больше радовалась, что в ее квартире появился этот зверь. Покупала ему смешные игрушки. У Григория появилась собственность в виде мисок и личного пледа.

А вот Виктор раздражался и ревновал. И однажды, вернувшись из театра, Ева обнаружила, что игрушки свалены в кучу, а ее Григорий заточен в пластиковую переноску.

— Кот меня достал, — заявил Виктор. — Мы должны от него избавиться. У нас тут круглосуточная ветеринарка, давай его усыпим.

Он привел какой-то формальный повод в виде подрванного кресла, обоев и оцарапанной руки.

От такой неоправданной холодной жестокости Ева онемела. Она впервые ясно посмотрела на этого мужчину и... разлюбила его окончательно и бесповоротно. Мгновенно. Григорий был освобожден, Ева тоже стала совершенно свободной. А Виктор со скандалом покинул ее жизнь и ее квартиру.

Все проблемы оказалось достаточно просто уладить: Григорий и Ева дообдирали обои в коридоре, теперь стены радовали глаз приятным мятным цветом. Кресло было выкинуто, и места стало больше. А Григорию была куплена когтеточка.

— А у меня сегодня свидание. — Ева перевернулась на бок, положила руку под щеку. — Посмотрим, как себя будет вести Андрей на этот раз.

Кот бросил на нее подозрительный взгляд, как будто понял.

— Что-то я не уверена в нем, хотя он симпатичный. Конечно, не такой красивый, как ты, — ворковала Ева.

Григорий довольно сощурился. Он был уверен в собственной неотразимости.

Ева поднялась с постели и сладко потянулась. Спала она всегда совершенно обнаженной. Даже самая

легкая ночная сорочка казалась ей душной и жаркой. Часто лунными безоблачными ночами во сне Ева сбрасывала одеяло, открывая себя призрачному, зыбкому свету, тогда ее смугловатая кожа приобретала особенную гладкость и сияние.

Вообще выглядела Ева так, словно по высшему замыслу должна была стать брюнеткой. Яркие черные ресницы и брови, сочные винные губы, карие глаза, которые временами казались зелеными. Но потом кто-то резко изменил план и наделил ее светлыми пепельно-русыми волосами.

Ева пробовала восстановить гармонию и какое-то время красилась в темный цвет, но по неведомой причине краска не хотела держаться и вымывалась почти мгновенно, оставляя пережженный неопределенный оттенок. Неопределенный оттенок больно ранил тонкий художественный вкус, поэтому от попыток пришлось отказаться.

Родители Евы были русыми и светловолосыми. В семье ходила шутка, что в ней проявились гены прапрадеда, которого все упорно называли Греком. О нем было известно только то, что он носил золотую серьгу и плывал на корабле. Глядя на фотографии прабабушки, Ева обычно думала, что скорее уж далекий дедушка был цыганом.

Узнать точно не представлялось возможности, но, как говорится, из песни слов не выкинешь: Ева питала слабость к крупным серьгам и кольцам с цветными камнями. И хотя не признавалась в этом даже себе, ей нравились красные рубашки на мужчинах.

Тем временем Еве предстоял сложный утренний выбор. Она неторопливо подошла к комоду и откры-

ла ящик с бельем — источником мотивации и тонкой душевной настройки женщины. Если бы Ева была колдуньей, этот ящик мог бы стать местом силы в ее доме.

Комфорт, стабильность и полное принятие своего «я» были представлены коллекцией хлопковой классики с божьими коровками на попе, с веселыми надписями и марширующими енотами. Но сегодня этот вариант не рассматривался. Взгляд Евы скользил по черному шелку и кружеву. Эти комплекты — своего рода универсальный доспех, защищающий самооценку от почти любых превратностей судьбы. В черном цвете воплощались неотразимость, уверенность в себе и безоговорочные победы.

Она прищурилась и подцепила переплетение красных веревочек с крошечным лоскутком. Это дорогущее творение дизайнера принадлежало безбашенности, риску и самым смелым фантазиям, но отличалось очень неудобным кроем. Своего рода особенное оружие для особенных случаев.

Ева покачала головой. Нет. Все-таки черное.

Выбор сделан.

Глава 2

Не успел Варфоломей оглянуться, как были улажены все формальности, и он обнаружил себя стоящим перед порталом, ведущим в мир верхний, то есть на Землю. Чем ему там предстояло заниматься, Варфоломей не знал: все происходило в такой спешке, что

начальник только сказал: «Справишься, инструкции по прибытии».

Маленький пожилой черт, подслеповато шурясь, водил дрожащими лапами по блестящим рычагам. На груди у него висел пергамент с древними рунами: «В случае чего — того. Тряси».

Варфоломей призадумался и решил, что перевел неточно. Просто подзабыл руны со школы.

— На Землю? — прошамкал черт.

— Да.

Варфоломей попереминался с копыта на копыто, и сердце его тревожно сжалось. Все-таки из Ада он раньше не выезжал. А служитель портала продолжил созерцать рычаги. Было слышно, как за стенами течет лава. Что-то назойливо тикало. Где-то вдалеке ухнул, а потом крикнул бес-пересмешник.

— Эм-м... — прервал затянувшуюся паузу Варфоломей.

Тогда старый черт вдруг оживился и бодро начал:

— Да, так вот это самое... ага.

Он оборвал странную фразу на полуслове и устремил взгляд в пространство.

Ситуация выходила дурацкая. Не так Варфоломей представлял начало новой жизни. Хотя ни в одном из миров никто не представляет себе начало собственной жизни. На то оно и начало, чтобы с него все начиналось.

Варфоломей разозлился. Он грозно навис над старичком и громко сказал:

— Что делать-то надо?

— На Землю? — удивленно моргнув, спросил черт.

— Да.

Разговор повторился еще шесть раз. Не поверите, но черт, у которого проблемы с кратковременной памятью, выведет из себя и святого.

И тут Варфоломей понял смысл таинственного послания.

Он схватил старого черта и крепко потряс. Голова того задергалась, а потом в глазах зажглось понимание.

— Так чего не сказал-то, что на Землю?! — рывкнул он. — Времени у меня тут — с каждым нянчиться! Придут и не говорят, чего хотят. Давай, становись на кружок. Ну черти пошли! Никакого понимания.

Он еще долго ругался и бубнил себе под нос, двигал рычаги, пинал копытами блоки. Варфоломей стоял в круге из странных символов, прижимал документы о переводе и надеялся, что черт ничего не перепутает.

— Счастливого пути!

Варфоломей почувствовал, что его тянет вверх, а потом перед глазами все поплыло. Он не мог знать о космонавтах и центрифуге, а между тем ощущения были очень схожи: черта крутило и вертело. Вообще переход из одного мира в другой — довольно тошнотворное дело. В прямом смысле слова.

Так что Варфоломея лучше ненадолго оставить. Пусть приходит в себя.

* * *

Ева сидела в «Кофе хаузе» на Третьяковской, вертела в руках чашку с капучино, обаятельно улыбалась Андрею и думала о неудачных свиданиях.